

**БЕРСЕНЕВ
ИВАН
ВЯЧЕСЛАВОВИЧ**

Ученик 11 «А» класса
МАОУ СОШ № 22, г.
Екатеринбург, Россия

E-mail: bersenv00@gmail.com

УДК 008

МАНИФЕСТ ПРОГРЕССИЗМА

Аннотация. Прогресс, будучи противоречивым и даже конфликтогенным понятием, не рассматривается в качестве безусловно присущего любому, обладающему потребностями существу. Однако, ввиду бесконечности человеческих потребностей и ограниченности ресурсов, стремление к их удовлетворению делает прогресс как оптимизацию издержек необходимым условием жизни. В этом контексте прогресс становится важнейшей потребностью и даже смыслом человеческого существования, охватывая все сферы, представляющие интерес для человека. И в то же время он является комплексным и субъективным феноменом, способным вызывать конфликты между носителями разных его видений и, как следствие, регресс. Различные концепции прогресса можно разделить на более и менее перспективные. Для лучшего понимания прогресса, оценки перспектив и путей развития общества, необходимо исследовать его как феномен, как потребность, а также его реальные проявления.

Ключевые слова: прогресс, прогрессизм, потребности, ресурсы, смысл жизни, социальное развитие, ценности, мировоззрение.

Ivan V. Bersenev

Secondary school № 22, Ekaterinburg, Russia

E-mail: bersenv00@gmail.com

THE PROGRESSIVISM MANIFEST

Abstract. Progress, being a contradictory and even conflict-prone concept, has not been regarded as inherently intrinsic to any being with needs. However, due to the infinite nature of human needs and the limited availability of resources, the drive to satisfy these needs makes progress, understood as the optimization of costs, a necessary condition for life. In this context, progress becomes a crucial need and even the meaning of human existence, encompassing all areas of interest to individuals. Simultaneously, progress is a complex and subjective phenomenon, capable of generating conflicts among those with differing visions of it, potentially leading to regression. Various concepts of progress can be categorized as more or less promising. To better understand progress, assess societal prospects, and determine pathways for development, it is essential to study it as both a phenomenon and a need, as well as to analyze its tangible manifestations.

Keywords: progress; progressivism; needs; resources; meaning of life; social development; values; ideology.

DOI: 10.47850/2410-0935-2024-19-170-181

© И. В. Берсенеv 2024

Введение

Зачастую понятие прогресса в сегодняшнем дискурсе сводится к движению человечества от чего-то «плохого» к чему-то «хорошему». Причем обе эти категории остаются субъективно интерпретируемыми, вследствие чего «прогресс», с одной стороны, вызывает конфликты между субъектами, по-разному понимающими, с другой же, вовсе не поддается реализации, даже если все стороны по какой-либо договоренности артикулируют стремление к прогрессу [Коротаев 2003: 5–6]. На фоне этих трудностей остается неочевидным, что прогресс как более эффективное удовлетворение своих потребностей, присущий любому человеку, является базисом всей жизнедеятельности.

Существующая в изобилии литература рассматривает прогресс по-разному. Как противопоставление нового старому [Тоффлер 1999]. Как «развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости» [Лавров 1965: 54]. Или, например, как нечто пагубное [Юльякшин 2012]. Несмотря на столь различающиеся интерпретации, остается справедливым утверждение, что «прогресс всегда соотносится с ценностями» [Штомпка 1996: 50].

Поскольку ценности субъективны, мейнстримное понимание прогресса как экзогенного по отношению к человеку феномена может являться верным лишь отчасти. Кроме того, его колоссальное влияние на жизнь человека превращает и сам прогресс в ценность, – ценность, по-видимому, господствующую над всеми остальными.

О потребностях и ресурсах

Как гласит начало классического определения, каждый человек суть биосоциальное существо. Иначе говоря, его потребности включают в свой состав как биологические (физиологические), так и социальные потребности, – в этом он, впрочем, мало отличается от высших приматов. Кроме того, ему свойственны и иные, не свойственные другим живым существам категории: духовные (идеальные) потребности; интересы, которые нередко рассматриваются не как потребности, но как специфика их удовлетворения. Духовные потребности свойственны лишь человеку, поскольку он является монопольным носителем сознания; другими словами, даже если допустить, что животное испытывает потребность в познании нового, все равно лишь для человека ее удовлетворение есть самоценность. Проблема четвертого типа потребностей уже обозначена, и здесь встает вопрос определений.

Потребность означает нужду в чем-либо. Нужда в свою очередь является тем, без чего человек лишается чего-то, в крайнем случае – жизни, или недополучает что-то. Обозначим сразу и следующее, связанное с предыдущими понятие: благо – то, что удовлетворяет нужду. Если человек хочет, предположим, поесть мясо при помощи вилки и ножа, а доступна ему только ложка, удовлетворить потребность в голоде ему это не помешает, а вот удовольствия как чувства удовлетворенности лишит. Мы утверждаем, что все интересы – такие же потребности, потому, что, во-первых, их удовлетворение достигается за счет благ; во-вторых, без них полное удовлетворение невозможно: так, в приведен-

ном выше примере трапеза, осуществляемая названными приборами, могла бы продемонстрировать принадлежность человека к той или иной социальной группе, тем самым удовлетворив социальные потребности.

Итак, каждому человеку априори присущи четыре вида потребностей, и вся его жизнь вращается вокруг их удовлетворения. Не будет открытием или нонсенсом сказать, что человек живет ради этого, но со следующими лишь оговорками.

Прежде всего, что главенствующей потребности для людей не существует, ибо оную выбирает – осознанно или нет – каждый самостоятельно. Кто-то будет всю жизнь гнаться за славой, пока другой не сможет признать что-либо превосходящим (по каким-то критериям) событие. Всякий стремится удовлетворить все свои потребности, но поскольку сие невозможно, то акцентирует усилия на верхушке своего неперманентного их рейтинга [Франкл 1990: 290].

На этом этапе появляется следующий вопрос: почему так откровенно варьируются желания человека? Во-первых, такова данность нашего животного начала, не допускающего полных репликаций, остающегося невероятно сильным в нас, как бы упорно мы от него ни избавлялись. Во-вторых, и социальное дает о себе знать. Если от животного мы стремимся избавиться, то социальное можно взять под контроль, однако многое в нем сему не поддается. Но помимо зависимости от не-нас, мы сами определяем каждый наш выбор, последний же, совершившись, вновь становится опытом, так что разница, как минимум, в области духовного между людьми тенденциозно увеличивается. Впрочем, и биологический мир на месте не стоит. Вот и выходит, что для одного важнейшая потребность – социальное признание, а для другого – продолжение рода. Важно здесь то, что, пускай разными тропами, они достигают вершины *своего* удовлетворения.

Следующее вытекает из первого, если вовсе не является оным: почти никогда потребности и интересы не осознаются человеком. Они, если угодно, находятся в подсознании, на глубине, для человека без подготовки недостижимой. Таковыми быть они могут по многим причинам: потому что относительно статичны, обыденны; кажется, очевидны, а на само собой разумеющееся и внимания обращать нечего; потому что неприметны под спудом других, а на рефлексию, позволяющую их обнаружить, не у всех есть ресурсы...

А чем концептуально являются ресурсы? Ресурс – нечто ограниченное и способное удовлетворять потребности. Так, взяв потребность во сне и среднестатистического человека, мы можем говорить о сне как ресурсе, комфортных условиях для сна как ресурсе и др.: времени, потраченном на него; тепле и пище, обеспечившим выживание во время него; ложе, благодаря которому сон был спокойным...

Таким образом, для нуждающегося в еде человека полезным ресурсом будет все, способное доставить ему еду; для человека же влюбленного оным может быть, например, признательность объекта страсти. Ввиду того, что потребности безграничны, при удовлетворении одних появляются другие, качественно и/или количественно превосходящие прошлые: так, при избавлении от естественного голода непосредственным полезным ресурсом станет не еда как таковая, а еда, например, вкусная, а в случае с чувствами – признательность заменится сношением.

Сказанное неизбежно приводит к выводу об отсутствии в мире человека альтруизма как пренебрежения собственным удовлетворением в пользу других. И это заключение полностью верно: отказ от чего-то совершается человеком ради приобретения иного, оставаясь тем самым в рамках эгоизма. Что важно – в подобных случаях он зачастую обоюдодовоиден, отчего и сохранилась для него отдельная дефиниция.

Если потребность есть само собой разумеющееся свойство каждого человека, что такое тогда ресурс? Для ответа на этот вопрос полезно определить основные характеристики ононого. Ресурсы обладают несколькими специфическими *функциями и состояниями*: они проявляют потребность и удовлетворяют ее; они могут отсутствовать, быть в дефиците и удовлетворять потребность, насколько это нужно человеку. Последнее состояние именно таково, понеже значительное количество потребностей и интересов человек подчиняет себе и ставит осознанную планку потребления одного ради другого, в связи с чем мы и можем сказать, что оные удовлетворяются, несмотря на их бесконечность. Если резюмировать все вышесказанное, то выйдет, что все ресурсы перестают таковыми являться без потребности в них, а потому как последние, так и первые мы должны рассматривать как единое целое, ибо нет потребности без ресурса, а ресурса – без потребности. Следовательно, *ресурс – ограниченное количественно* (априорное свойство всего, кроме духовного мира человека) *нечто, проявляющее потребности и позволяющее их удовлетворять*. Любое иное определение, избавленное от рекурсии, будет абсурдным либо неполным.

В общем, представляется возможным и целесообразным дополнить мысль, что человек живет ради удовлетворения потребностей, тождественностью его воле к обретению ресурсов, – ресурсов все лучших и во все большем количестве вплоть до удовлетворения всех потребностей.

О прогрессе

Говоря о ресурсах, можно предположить, что само их приращение и есть прогресс, однако такая мысль будет ошибочной по нескольким причинам.

Во-первых, потому, что не всякое наращивание ресурса есть ононое как таковое – один владелец может получать ресурсы за счет других владельцев (избегая механизмов обмена), никоим образом не увеличивая их валовое количество или качество. С другой стороны, мы можем признать приращением оных только увеличение их удельного количества при сохранении того же качества или повышение качества при сохранении того же количества в удельных величинах, посему данное замечание не является безусловным.

Во-вторых, приращение ресурсов может быть меньше умножения потребности в них, вызванного, например, демографическим ростом. Кажется, и это затруднение несложно преодолеть: достаточно лишь принять значение количества ресурсов за величину, относящуюся к потребности в них. Но тогда возникает проблема трудности или даже невозможности выразить количественно потребность в улучшении качества ресурсов. За сим это замечание мы устанавливаем значимым до появления соответствующих технологий.

Наконец, в-третьих, поскольку ресурсы ограничены, а потребности и интересы – нет, абстрагированное от воли повышение количества или качества

первых (например, путем размножения и эволюции соответственно) не способно достигнуть стремительности развития последних. Следовательно, добиться сближения темпов этого процесса и скорости приобретения новых желаний можно только внешним влиянием (хотя и оно никогда не позволит их уравнивать). Оно достигается человеком и обеспечивается его бесконечным сознанием.

Итак, приращение ресурсов не является прогрессом, потому что оно: 1) может по-разному достигаться, 2) может быть неравным приросту потребности, а еще потому, что 3) оно либо суть результат прогресса, либо в перспективе бесполезно. Ресурсы нужны для удовлетворения потребностей и интересов, но сами по себе они не улучшаются и не умножаются так, как это нужно человеку, а потому нуждаются во внешнем воздействии, – что также видно из первых двух причин, – которое мы и называем прогрессом.

Ненароком мы почти вывели истинное определение прогресса. Он *есть постоянный процесс и результат влияния человека на окружающую действительность и себя* (например, при удовлетворении потребности в самопознании), *итогом которых становится конвергенция темпов количественного и качественного роста ресурсов и потребностей посредством увеличения первых.*

Процессом он является потому, что из-за бесконечности потребностей их темпы будут нарастать и выходить за грань возможного для конечных ресурсов; результатом – потому что известный уровень уже достигнут. Постоянен сей процесс потому, что человек всегда стремится чего-то достичь, причем сделать это с наименьшими затратами и наибольшей продуктивностью. А «посредством увеличения первых», даже если мы и подчиним себе все потребности (что концептуально невозможно: отказываясь от одних, человек одновременно компенсирует их иными), не допуская их увеличения, во-первых, лишимся смысла жизни, во-вторых, наличествующие в момент самоограничения ресурсы не смогут удовлетворить наличествующие нужды, так что придется все равно их приобретать.

Стоит отметить тип ситуаций, когда разные потребности так друг с другом взаимодействуют, что создается впечатление, будто в высшей из возможных степени удовлетворить их можно только либо выбрав в качестве доминирующей одну из них, либо отказавшись от полного удовлетворения обеих.

Представим умирающего старика, попрощаться с которым пришла вся семья, что, собравшись, начала коллективно рыдать. Этот старик, сознавая скорую смерть, хочет встретить ее в тишине и вместе с тем не желает выгонять своих близких, надеясь оставить добрую память о себе. Желания покоя и безгрешности вступают в конфликт, так что ему остается два выхода: выбрать что-то одно или как минимум частично отказаться от обоих. Но в действительности ресурсы, – тишина и благорасположенные к нему люди – не поддающиеся количественному приращению, могут подвергнуться оптимизации их потребления, т. е. прогрессу в отношении качественном: старец может не выгонять семью, а попросить ее утешать печаль свою не воплями, но тихой молитвой в сей час. Кратко говоря, место для прогресса есть фундаментальная *особенность* человеческого бытия, доколе все его потребности не удовлетворены.

На данный момент ясно, что существуют априорные для человека потребности и ресурсы, но совершенно не уточнена роль прогресса, а он для назван-

ного дуо имеет ключевое значение. Поскольку потребности независимы от человека и могут лишь ограничиваться им (хотя мы и выявили, что ограничение одной является лишь средством достижения более значимой потребности, в рамках обсуждения не человека как системы, а конкретных нужд справедливо будет выражаться так), а ресурсы, также будучи априорными, поддаются прямому положительному воздействию человека, постольку это самое прямое воздействие как первая ступень, через которую вынуждено переступить все остальное, есть базовая для всего живого и основополагающая потребность.

Таким образом, все, что ее образует, само собой разумеется, а находящееся вне ее – теряет свою ценность и исподволь становится ничтожным без нее. Потребности изменяются, а потому их удовлетворение может быть разным, но всегда в отношении последнего человек стремится к минимизации издержек или, что то же, к прогрессу. Удовлетворение как таковое столь же непостоянно, сколь непостоянны и конкретные потребности (потребность в еде вчера выражалась в желании съесть борщ, а сегодня – жаркое, т. е., говоря об одном, мы зачастую имеем в виду абсолютно разное), но всегда удовлетворение должно, с точки зрения живого, достигаться с наименьшими издержками, и все живое постоянно старается уменьшить последние.

Иначе говоря, прогресс – метафизическая и имманентная потребность человека и других живых организмов. Потребность, как и остальные, априорная, но уникальная в своем отношении и к другим потребностям, и к ресурсам. *Единственно оный позволяет удовлетворять беспрерывно растущие потребности и лишь оному удастся влиять на ресурсы так, чтобы они не только не уменьшались, но и возрастали, почти как потребности, стремительно; ничто, помимо него, не присуще всему и всегда.* Если человек живет ради удовлетворения потребностей и никаких иных способов положительно взаимодействовать с ними нет, кроме удовлетворения, то мы признаем прогресс исключительным смыслом жизни человека.

Будучи потребностью, прогресс тоже может не осознаваться. Зачастую так и происходит, тогда человек достигает своего в буквальном смысле *случайно* – от случая к случаю, но ежели такой предоставляется, то непременно. При таком положении дел подвергается сомнению возможность хоть скольконибудь значимых *регулярных* перемен, тем паче по отношению к переменам в потребностях. Все меняет осознание прогресса и становление мировоззрения, позволяющие использовать каждую возможность и даже создавать последние для достижения своих истинных целей.

Утвердив сие, перейдем к проблеме, оказывающейся теперь, вероятно, самой волнительной. Заключается она в том, что, лишь взглянув на пестрое полотно людских судеб, мы обнаруживаем палитру степеней успеха более разнообразную, чем цвета радуги. Если реальность объективна, а абсолютно своеобразными в ней могут быть только носители сознания, то в них и надо искать причину сему феномену. Так почему же разные *прогрессы* бывают по-разному успешны?

Причин тому множество, однако все их можно объединить в три основные группы. *Точка старта* как изначальный уровень развития и обеспеченности ресурсами для прогресса. *Избранные методы* или способы наращивания производства и, как следствие, потребления благ. *Конечные цели* – те потреб-

ности, ради которых совершается прогресс; иначе говоря, высшие позиции рейтинга оных, ибо усилия человек ввиду потребности в прогрессе станет прикладывать лишь ради лучшего для него.

Первое не редко мало зависит от самого человека, который может родиться в неблагополучной семье, случайно получить увечья, не допускающие полноценной жизнедеятельности и др. Однако совсем лишать его ответственности нельзя, понеже ни один, а тем более названный фактор прогресса не будет полностью детерминировать успех. Подтверждением последнего могут служить выдающиеся люди, добившиеся, казалось бы, противоречащих им высот.

Избранные пути могут разительно отличаться у отдельных персоналий: кто-то желает совмещать сразу несколько направлений, кому-то, наоборот, кажется более верным концентрация на одном; иные придерживаются проверенных стратегий или тех, что должны быть надежнее, а другие конструируют их самостоятельно или стремятся приобретать больше, пусть и с повышенным риском все потерять... Остановимся же на ключевом для результата прогресса отличии в этом отношении.

Зачастую люди предпочитают экстенсивные методы увеличения потребления определенных благ как более простые и доступные. Примером подобного может служить скуф, инвестирующий все доступные ему ресурсы в получение безопасности и безмятежности (надо признать, мнимых): он отказывается от работы, живого общения, спорта, интеллектуального развития и проч. ради названных благ. Он тратит все на них за счет хотя бы поддержания имеющегося уровня в иных областях. В действительности же намного более эффективны интенсивные методы, которые заключаются не в отнятии от другого, (что в определенный момент становится бессмысленным, поскольку каждая новая единица времени, оставаясь, как правило, качественно той же самой, теряет в ценности по сравнению с предыдущей, ибо последняя уже удовлетворила значительную часть потребности данного уровня качества), – но в интенсификации, хотя она практически невозможна на практике без отнятия ресурсов у чего-то другого. Так, лучше не тратить на учебу на 10 процентов больше времени, а сделать ее продуктивнее на ту же величину, потому что, во-первых, эта добавка лишит сего времени (а по факту даже большего, поелику переход от одного занятия к другому тоже требует ресурсов) получения других благ; во-вторых, дополнительные 10 процентов лишь в меньшей мере способны увеличить продукт учебы. Получается, из всех методов лучше останавливаться на интенсивных, что в долгосрочной перспективе дают их избравшему преимущества [Galor, Moav 2002: 1181].

Помимо вышеописанного, имеют значение и цели прогресса. *Покрыть сразу несколько нужд; индуцировать появление в том числе качественно новых потребностей; стимулировать удовлетворение других* – вот признаки лучших из направлений. Конечно, избираются они почти всегда интуитивно либо во все случайно, что, однако, не умаляет их превосходства над остальными. Наиболее перспективными с такой позиции являются те рейтинги потребностей, в которых высшие позиции занимает интеллектуальное развитие. Обеспечивается это упомянутой прежде бесконечностью сознания человека.

Несмотря на бесконечность сознания, ограниченность материального мира не позволит отождествить темпы прогресса и развития потребностей.

Но ни в этом, ни в противном случае, никакой проблемы нет. В реальности человек всегда будет иметь нужды, а потому и смысл жизни в удовлетворении оных.

А в противном случае человек попросту станет изобретать себе потребности, удовлетворяя тем самым потребности в прогрессе, в занятии... Бесконечный прогресс заработает как на удовлетворение потребностей, так и на прямое их создание за тем лишь, чтобы мгновенно их удовлетворять. Это и есть ответ на вопрос: «Если бы все желания исполнялись, едва успев возникнуть, – чем бы тогда наполнить человеческую жизнь, чем убить время?» [Шопенгауэр 2023: 148–149]. Это была бы борьба двух бесконечностей: потребности и сознания.

Помимо сего, это было бы одним из проявлений парадокса прогресса: оный, будучи потребностью, постоянно должен увеличиваться. Таким образом, прогресс требует прогресса и в самом прогрессе. Прогрессирование должно прогрессировать.

О проблематичности прогресса

Закономерно по прочтении всего сказанного может возникнуть острое несогласие с провозглашаемым принципом «прогресса ради прогресса». Это несогласие, скорее всего, будет в первую очередь этически обоснованным, ведь каких только ужасающих последствий оно не видели. Вот только теперь – прогресс ради прогресса наконец распространен на все, а не ограничен интересующей *кого-то* областью.

Оный, будучи всем нашим бытием, не может не существовать и в этике. Мы вполне свободны обозначить целью своей жизни, например, человеколюбие и достигать его. Однако, кроме целенаправленного прогресса в самой этике, существует взаимосвязь последней со всем остальным. Любая дифференциация сфер нашей жизни вообще довольно условна, и все обладает той или иной неразрывной связью.

Кроме того, и этика в целом, и ее составляющие, мораль или справедливость, не могут существовать автономно от воли субъекта, поскольку реализуются, формируются, изменяются лишь ею. Только по воле субъекта этика выражается действием, а до того момента ее, можно сказать, не существует.

Развивая сей тезис, мы поймем, что воля субъекта всегда направлена на прогресс, в будущее, на удовлетворение возрастающих потребностей. И если она – условие существования этики, следовательно, последняя полностью зависима от воли и, подобно ей, направлена на прогресс. Из этого следует то, что менее прогрессивная воля поддерживает и менее прогрессивную этику, отчего последняя, не выдерживая конкуренции с лучшими, погибает, перестает существовать, – это своего рода *естественный отбор* воззрений.

Однако человек может быть прогрессивным в одном и наоборот – в ином. Так, преуспевающий на финансовом поприще может иметь самые деструктивные воззрения на этику. В таком случае последние будут все же заимствоваться обществом, ассоциируясь с успехом в стяжательстве.

Существует несколько выходов из сего затруднения: первый уже назван и связан со временем. Факт наличия конкуренции рано или поздно выявит лучшее в том числе в области этики, просто благодаря тому, что все взаимо-

связано. Иначе говоря, этика влияет на другие сферы общественной жизни, относительно самостоятельное течение прогресса в которых может выявлять отсталость этики. Проиллюстрировать сей процесс можно посредством крепостничества в Российской империи, которое, помимо многого другого, критически тормозило экономическое развитие, – это обстоятельство сыграло немаловажную роль в реформах Александра II.

Второй выход был упомянут в самом начале: *искусственный отбор* воззрений, то есть развитие человечества в этике ради нее самой. Разделение труда позволяет одним в известной и большей, чем другим, степени сосредоточиться на развитии довольно узкого предмета, благодаря чему прогресс ускоряется и достигает таких призрачных составляющих человеческой жизни, до которых добраться в других условиях было бы попросту невозможно: они бы не смогли достичь не то что вершины, но и примечательных позиций рейтинга потребностей. Целенаправленное развитие этики таким образом способно компенсировать эндогенные и даже независимые от нее заблуждения, а то и не допустить появления оных.

В общем, прогресс ради прогресса существует и в самой этике, последняя развивается в любом отношении подобно всему остальному. Прогресс – во всем, что касается человеческих потребностей, последние отражаются в сознании, воле и вновь индуцируют, дополнительно стимулируют первый. Наконец, взаимосвязь различных областей человеческой жизни обличает иллюзорное и сама по себе способствует общему прогрессу. Неизбежному прогрессу в удовлетворении как можно более весомой совокупности потребностей.

Прогресс естественен и постоянен – из персональных видений прогресса формируется система, и как каждый человек движется к прогрессу в своем индивидуальном мире, так и социум достигает прогресса в общественном и общем. Мы можем вовсе не вмешиваться в его течение, можем его ускорять или замедлять, но остановить – никогда.

Ускорению благоприятствует, например, республика как политическая система страны, тогда замедлению – диктатура. Такие иллюстрации можно продолжать долго, но все они будут бесполезны без осознания главного. Без осознания себя и мира в прогрессе, без осознания самого прогресса с его зависимостью от нас самих и в то же время априорностью, его индивидуальностью, его закоренелостью и неочевидностью, его сокрытием в себе конфликта между людьми, людьми и не-людьми...

Хотя мы не можем остановить прогресс, замедлить его в ограниченных временных, социальных и других спектрах удается настолько, что возникают понятия консерватизма и реакционизма. Это не означает, что прогресс в данный период времени замедлился, – оный просто направился на удовлетворение иных потребностей. Дело лишь в том, что эти иные потребности, иные цели прогресса, не создают новых потребностей, не удовлетворяют оных и не способствуют удовлетворению остальных. *Такой прогресс – менее прогрессивен.* В *долгосрочной* перспективе без выдающихся начальных условий и экстраординарных методов он канет в Лету. Наглядно это отразить вновь нам поможет история России. Просто взгляните на противоречивость правлений Николая I и Александра II: первый пытается сохранить абсолютизм, а второй наконец удовлетворяет запрос общества на реформы, существовавший далеко не первое десятилетие.

В контексте воздействия на прогресс нельзя проигнорировать проблематику наказания в праве. Если осужденный на какое бы то ни было наказание в результате радикально ограничивается в своих правах, если после тюремного заключения он, например, фактически лишается права устройства на работу или, выплачивая неустойку, теряет возможность поддерживать достойный образ жизни, то такое наказание не только бесполезно, но и зачастую вредно для общества.

Во-первых, лишь мельком скажем, что лишение свободы, после которого человека необходимо ограничивать в каких-то правах, само по себе ущербно. Во-вторых, секвестирование воплощения признанных цивилизованными прогрессом способно привести только либо к снижению эффективности человека, либо к его предпочтению становящейся еще более манящей сферы криминального. Последствия, вероятно, очевидны. Подспудно здесь то, что прогресс для самого индивида будет достигаться и там, однако для других людей и общества – это будет конфликтогенный прогресс, или регресс. И это помимо ограничения смысла жизни самого человека!

В общем, кара, как и право в целом, – может в той или иной степени лишать человека достигнутого прогресса, но не лишать его и других людей самой возможности прогрессировать, ибо последнее является не только уничтожением человека, но и ограничением прогресса всего общества. Оговорка «и других людей» означает, что нецивилизованный прогресс, например, посредством аннигиляции всего живого, в сущности своей не является прогрессом по уже названным причинам, а потому должен ограничиваться.

Итогом вышесказанного и самим вышесказанным является философия прогрессизма, суть коей заключается в признании прогресса не только неизбежным свойством всего живого, но и главенствующим смыслом в жизни человека. С такой точки зрения открываются новые горизонты изучения и понимания едва ли не всего, связанного с человеком, начиная с самой философии и заканчивая математикой.

Литература

- Коротаев 2003 – *Коротаев А. В.* Социальная эволюция. Факторы, закономерности, тенденции. М.: Восточная литература, 2003. [Электронный ресурс] URL: <https://www.academia.edu/88810974> (дата обращения: 04.09.2024).
- Лавров 1965 – *Лавров П. Л.* Философия и социология. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1965.
- Тоффлер 1999 – *Тоффлер Э.* Третья Волна. М.: Издательство АСТ, 1999.
- Франкл 1990 – *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Шопенгауэр 2023 – *Шопенгауэр А.* Искусство побеждать в спорах; Мысли. М.: Издательство АСТ, 2023.
- Штомпка 1996 – *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Юльяхшин 2012 – *Юльяхшин М. М.* Дегуманизация как оборотная сторона научно-технического прогресса // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2012. № 5. С. 91-94. [Электронный ресурс] URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17840617> (дата обращения: 04.09.2024).

Galor, Moav 2002 – Galor O., Moav O. Galor O., Moav O. Natural Selection and the Origin of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics*. 2002. Vol. 117. №4. P. 1133–1191. URL: <http://www.jstor.org/stable/4132476> (Accessed 04.09.2024).

References

- Frankl 1990 – Frankl V. Man's search for meaning. Moscow: The Progress, 1990. In Russian.
- Korotaev 2003 – Korotaev A.V. Social evolution. The factors, rules, trends. Moscow: The West Literature, 2003. URL: <https://www.academia.edu/88810974> (Accessed: 04.09.2024). In Russian.
- Lavrov 1965 – Lavrov P. L. Philosophy and sociology. Selected Works in Two Volumes. Vol. 2. Moscow: Thought, 1965. In Russian.
- Schopenhauer 2023 – Schopenhauer A. The art of being right; Thoughts. Moscow: AST Publishing House, 2023. In Russian.
- Sztompka 1996 – Sztompka P. The sociology of social change. Moscow: Aspect Press, 1996. In Russian.
- Toffler 1999 – Toffler A. The third wave. Moscow: AST Publishing House, 1999. In Russian.
- Yuliakshin 2012 – Yuliakshin M.M. Dehumanization as a reverse side of the scientific and technological progress // Collections of conferences of SIC Sociosphere. 2012. № 5. P. 91-94. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17840617> (Accessed: 04.09.2024). In Russian.
- Galor, Moav 2002 – Galor O., Moav O. Galor O., Moav O. Natural Selection and the Origin of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics*. 2002. Vol. 117. №4. P. 1133–1191. URL: <http://www.jstor.org/stable/4132476> (Accessed 04.09.2024).